

Рецензии и обзоры

УДК 792

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-2-240-246

Мировой театр Антона Чехова
Рецензия на книгу: *Киссель В.Ш.* Космос Чехова:
Театр, пространство и время.
СПб.: Алетейя, 2024. 410 с.

Юрий В. Доманский
*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, domanskii@yandex.ru*

Аннотация. В рецензии рассматривается книга немецкого исследователя Вольфганга Штефана Кисселя «Космос Чехова. Театр, пространство и время». Показывается важность и перспективность данной монографии как для изучения драматургического наследия Чехова, так и для исследования драматургического рода литературы и театральных практик.

Ключевые слова: Антон Чехов, драма, театр, Вольфганг Штефан Киссель

Для цитирования: Доманский Ю.В. Мировой театр Антона Чехова [Рец.]: *Киссель В.Ш.* Космос Чехова: Театр, пространство и время. СПб.: Алетейя, 2024. 410 с. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 2. С. 240–246. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-2-240-246

The world theatre of Anton Chekhov
Book review: *Kissel V.S.* Chekhov's cosmos.
Theatre, space and time.
Saint Petersburg: Aleteya, 2024. 410 p.

Yurii V. Domanskii
*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
domanskii@yandex.ru*

Abstract. The review considers the book by German researcher Wolfgang Stefan Kissel “Chekhov's cosmos. Theatre, space and time”. The importance of this monograph is shown both for the study of Chekhov's dramatic legacy and for the study of the dramatic genre of literature and theatrical practices.

Keywords: Anton Chekhov, drama, theater, Wolfgang Stefan Kissel

© Доманский Ю.В., 2025

For citation: Domanskii, Yu.V. (2025), “The world theatre of Anton Chekhov [Book review]: Kissel V.S. Chekhov’s cosmos. Theatre, space and time. Saint Petersburg: Aleteya, 2024. 410 p.”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 240–246, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-2-240-246

В 2012 г. вышла в свет книга немецкого филолога Вольфганга Штефана Кисселя «Космос Чехова. Театр, пространство и время» [Kissel 2012]. И вот спустя двенадцать лет данная книга была издана и в переводе на русский язык [Киссель 2024]. Надо сказать, что разного рода работ о Чехове у зарубежных филологов выходит в последнее время довольно много [Спачиль 2023]¹, однако далеко не все, появляющееся в монографическом формате на иностранных языках, удостоивается внимания российских переводчиков и издателей: из сравнительно недавних популярных примеров на ум приходит лишь книга Дональда Рейффилда, уже не раз изданная в России и являющаяся сугубо биографической [Рейффилд 2023]. В отличие от этой работы труд Кисселя обращен к чеховскому творчеству, а конкретно – к важнейшему (если брать мировую культурную репутацию Чехова) сегменту этого творчества: к драматургии. Все чеховское драматургическое наследие становится объектом пристального исследовательского внимания немецкого ученого; и исследование это ведется под весьма определенным углом зрения, который предельно четко резюмирован научным редактором русского издания О.А. Жуковой в предисловии в книге: «По мнению В. Кисселя, выражением философской идеи, которая движет мысль Чехова и создает его художественный мир, является идея *theatrum mundi* – мирового театра» [Жукова 2024, с. 6]; «сквозная тема жизни как ролевого действия, сценическая площадка для которого создается в пространстве и времени культуры, объединяет все великие пьесы Чехова – “Чайка”, “Дядя Ваня”, “Три сестры”, “Вишневый сад”» [Жукова 2024, с. 10].

И еще один важный момент, отмеченный в предисловии и касающийся подхода Кисселя к чеховскому драматургическому наследию: в прошлом веке творчество Чехова чаще всего соотносилось с русской классической литературой, с так называемым «реализмом», тогда как в большей степени Чехов (особенно – Чехов-драматург) находится у себя дома в Серебряном веке: «Чехов – автор, который принадлежит уже эпохе художественного модернизма...

¹ См. также список иностранной литературе о Чехове: [Киссель 2024, с. 396–407].

Чехов, безусловно, наследник реалистической традиции русской литературы. Однако, как и его младшие современники – Куприн, Горький, Бунин – по своему мироощущению писатель ближе к иной культуре – постклассической, не утратившей связи с классической, но являющейся в историко-культурном плане ее завершением» [Жукова 2024, с. 6–7]. Этот принципиальный исходный пункт в понимании В. Кисселем места Чехова в художественной парадигме драмы и театра становится одним из определяющих и в нетривиальной концепции прочтения чеховского наследия немецким ученым. Названные постулаты концептуально осмысливаются автором уже в начале книги и закономерно приводят к мысли о том, что решающей по целому ряду эстетических и этических проблем «оказывается аналогия между театром как формой искусства и миром как театральной игрой» [Киссель 2024, с. 22], в результате чего Кисселю удастся осуществить «раскрытие и переоценку эпистемологического потенциала метафоры мирового театра для чеховских драм» [Киссель 2024, с. 45].

Далее Киссель последовательно, а главное – не упуская даже того, что может показаться на первый взгляд мало что значащими мелочами, исследует театральную биографию Чехова; начиная от детских впечатлений и до формирования собственных уникальных театральных практик. При описании этого весьма непростого, даже тернистого пути автор книги активно привлекает контекст эпохи, делая это в аспекте, который относительно Чехова можно назвать личностным; и здесь перед нами отнюдь не только Чехов-писатель, Чехов-драматург, но еще и Чехов в его отношении с религией («...на взгляд Чехова положение религии в современном мире должно было определяться в значительной мере развитием науки, в первую очередь, естественных наук и достижениями техники. В течение этого процесса религия будет неизбежно превращаться в точное знание или в способ осознания и осмысления мира, подобный подходам точного знания» [Киссель 2024, с. 347]) и с медициной – и как врача, и как пациента. Такое многогранное аналитическое осмысление личности Чехова тем не менее все же сводится в книге Кисселя к общему знаменателю – к драматургии и к неизбежным при разговоре о драматургии театральным практикам, практикам в чеховском случае оригинальным, ведь «Чехов искал театр, который был бы по возможности столь же далек от пафоса и декламации, сколь и от плоского реализма и натурализма» [Киссель 2024, с. 39], что отнюдь не мешало писателю желать, чтобы «его драмы инсценировались в манере легких комедий, водевилей или фарсов» [Киссель 2024, с. 41]. Между тем не обходит Киссель вниманием и печально знаменитую постановку

«Чайки» как традиционной комедии в Александринском театре, что явно указывает на виденье драматургом устоявшихся жанров в совершенно новом для них свете: «Настойчивое стремление Чехова видеть в своих драмах, прежде всего в “Чайке” и “Вишневом саде”, комедии, приобретает под этим углом зрения новый смысл. Театр, освобождаясь от правил и норм классической поэтики, в повседневной жизни может экспонировать специфическую театральность человеческого поведения, однако для зрителя дистанцированное наблюдение за игрой может стать одним из источников свободы» [Киссель 2024, с. 47].

Особенно подробно в этом плане В.Ш. Киссель рассматривает «Вишневый сад», предлагая нетривиальную, но весьма релевантную самой природе данной чеховской комедии трактовку. Позволим себе привести довольно большую цитату, в которой, на наш взгляд, ставятся практически все точки над *i* в плане осмысления «странной» авторской жанровой номинации последней пьесы Чехова: «Несмотря на то, что действие и персонажи пьесы в разнообразных формах и с разной степенью интенсивности обнаруживают черты фарса, перед нами – сублимированный, “одухотворенный” фарс, противоречие в себе, ответ умирающего автора миру, его прощание с миром средствами театра. Элементы фарса интегрируются в “домохозяйство” комедии посредством выстраивания ряда эффектов и их повторения. Благодаря этим приемам театр смеха, предназначенный для народного увеселения и развлечения, изменяет свой характер. Сам мировой театр превращается в фарс, такие его темы, как эрос и смерть, страдания и боль, пространство и время, работа и конфликт, мир и насилие, предстают в сублимированной форме, по сравнению с предыдущими драмами они кажутся смягченными в сторону иронии и шалости. Тем явственнее проступают мягкость и нежность, сочетающиеся с возросшей способностью восприятия, которое наряду с прочим регистрирует и самые мелкие и мельчайшие разрывы в социальной ткани. Разговоры с собой в этой самой легкой и простодушной из всех драм приобретают также более своеобразные, смелые формы» [Киссель 2024, с. 309].

Чехов в качестве жанрового подзаголовка к последней своей пьесе ставит привычную номинацию «комедия», однако в тексте «Вишневого сада» осмысливает он эту номинацию не только с учетом памяти жанра, но и в совершенно новом, необычном для прежних трактовок свете. И по сути, исследование Кисселя во многом как раз о том, как Чехов впитывал драматургическую и театральную традиции и как самым существенным образом эти традиции переосмысливал. В этой связи приведем пару базовых замечаний из книги, таких замечаний, которые, хоть и помещены

в начало работы, тем не менее уже могут считаться концептуальными выводами, которые анализируемый далее материал успешно подтверждает: «...биография Чехова и его литературное творчество, начиная с очень раннего времени, были неразрывно связаны с театром. Чехов писал свои драмы, опираясь на точное знание театра и театральных приемов, а также театрального окружения, актеров и их мира... Самый поздний этап жизни Чехова, с началом тесного сотрудничества с Художественным театром, был частью истории русского театра, а история русского театра – частью его жизни» [Киссель 2024, с. 44]; «Благодаря своей уникальной трактовке пространства и времени чеховский театр повседневности связан с целым миром, т. е. в конечном итоге с совокупностью феноменов в космосе, и становится инструментом поиска истины в открытой вселенной» [Киссель 2024, с. 46].

Основная же часть книги представляет из себя осуществленный по хронологии детальный, буквально – поактный, анализ всего драматургического наследия Чехова с постоянной проекцией на театр. При этом магистральным сюжетом всего исследования оказываются важные для драмы и театра вообще и для Чехова в частности категории пространства и времени. Так, подробное рассмотрение «Чайки» (и в ракурсе поэтики текста, и в целом ряде значимых контекстов) позволяет В.Ш. Кисселю сделать следующий вывод, касающийся как раз пространственно-временной специфики в проекции на драматургию и на театральные практики: «Театральность и ролевая игра, феноменология времени и пространственного порядка... тесно соотнесены друг с другом и проступают в качестве характеристик чеховского мирового театра, которые можно наблюдать в последующих больших драмах и позднем монологе»² [Киссель 2024, с. 152]. Наблюдение же над всем чеховским драматургическим наследием приводит автора книги к весьма важному выводу относительно заявленного предмета – пространства и времени – и связи его с ключевой идеей всей книги – идеей мирового театра: «Новый центр образуется у Чехова самим космосом, который создает пространство и время, а последние, в свою очередь, уже непосредственно образуют сцену, на которой играют люди-актеры. Увиденные из этой перспективы, люди уже не могут выступать как отдельные, выдающиеся индивиды, как герои или протагонисты в классическом смысле, – они являются такими, какими им позволяют быть законы космоса: группой людей, которая может выжить только благодаря совместному труду» [Киссель 2024, с. 350].

² Имеются в виду пьесы «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад» и монопьеса «О вреде табака».

Эти и многие другие концептуальные мысли автора подкрепляются в книге аналитическим описанием и интерпретацией тех драматургических техник, которые вводит и использует Чехов в своей художественной практике, что приводит Кисселя к предельно концептуальному общему выводу: «Чеховский мировой театр, имея тонко дифференцированную феноменологию пространства и времени, владеет космическим измерением и дает нам возможность узнать это “смотрение” по-новому... Несовместимые на первый взгляд величины – ограниченная повседневность человеческой жизни и уничтожающая все границы вселенная – размещаются в этом театре рядом и вместе друг с другом, объединенные ощутимой и эстетически воспринимаемой связью» [Киссель 2024, с. 391].

Таким образом, можно заключить, что книга В.Ш. Кисселя «Космос Чехова. Театр, пространство и время» для настоящего момента изучения драматургического наследия Чехова является программным исследованием, предлагающим зачастую противоречащие привычным, устоявшимся, весьма необычные, но при этом релевантные объекту трактовки чеховской драматургии, которые в грядущем могут стать базовыми и для исследователей-чеховедов, и для практиков театральной сцены.

Литература

- Жукова 2024 – Жукова О.А. Театр Чехова в пространстве и времени культуры // Киссель В.Ш. Космос Чехова: Театр, пространство и время. СПб.: Алетейя, 2024. С. 5–18.
- Киссель 2024 – Киссель В.Ш. Космос Чехова: Театр, пространство и время. СПб.: Алетейя, 2024. 410 с.
- Рейфилд 2023 – Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова. М.: КоЛибри, 2023. 896 с.
- Спачиль 2023 – Спачиль О.В. Современное чеховедение: краткий обзор зарубежных публикаций (2012–2023) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 3. С. 609–618.
- Kissel 2012 – Kissel W.S. Čechovs Kosmos. Theater, Raum und Zeit. Wien: Böhlau Verlag, 2012. 284 p.

References

- Kissel, V.S. (2012), Čechovs Kosmos. Theater, Raum und Zeit, Böhlau Verlag, Wien, Austria.
- Kissel, V.S. (2024), *Kosmos Chekhova. Teatr, prostranstvo i vremya* [Chekhov's cosmos. Theatre, space and time], Aleteya, Saint Petersburg, Russia.

- Rayfield, D. (2023), *Zhizn' Antona Chekhova* [The life of Anton Chekhov], KoLibri, Moscow, Russia.
- Spachil', O.V. (2023), "Modern Chekhov studies. A brief overview of foreign publications (2012–2023)", *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, vol. 28, no. 3, pp. 609–618.
- Zhukova, O.A. (2024), "Chekhov's theatre in the space and time of culture", in Kissel', V.S., *Kosmos Chekhova. Teatr, prostranstvo i vremya* [Chekhov's cosmos. Theatre, space and time], Aleteya, Saint Petersburg, Russia, pp. 5–18.

Информация об авторе

Юрий В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; domanskii@yandex.ru

Information about the author

Yurii V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; domanskii@yandex.ru